

АЛЛА М. ГРАЧЕВА

ТАК ГОВОРИЛ ВЛАДИМИР САНИН
РУССКОЕ НИЦШЕАНСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОМАНОВ
М. П. АРЦЫБАШЕВА

Еще в конце XIX в. идеи о «смерти» христианства, как религиозно-нравственной доктрины, вошли в русское философское и художественное сознание вместе с освоением наследия Ф. Ницше. Одним из внимательных читателей немецкого философа был М. П. Арцыбашев¹. В его художественном сознании произошло сложное переосмысление и объединение идей Ницше с концепциями Толстого и Достоевского. Для писателя восходящая к Ницше категория «живой жизни» была соединена с толстовским пониманием «естественного». В повести Арцыбашева *Смерть Ланде* (1904) – вершине первого этапа его творчества – очевидно осознание автором исчерпанности исторической роли христианства даже в его новейшем, толстовском варианте. Главный герой – студент Иван Ланде был праведником, «князем Мышкиным» начала XX в., но его жизненная программа перечеркивалась самой жизнью. Неслучайно повесть называлась – *Смерть Ланде*. Сцена смерти героя, заблудившегося в лесной чаще в поисках дороги к умирающему другу, была напрямую, вплоть до скрытых цитат ориентирована на евангельский эпизод смерти Христа в его человеческой ипостаси. Но по Арцыбашеву трансцендентное осмысление «смерти, попирающей смерть», представало

Dr hab. AŁŁA M. GRACZOWA – Uniwersytet w Sankt-Petersburgu, „Russkij Dom” im. A. Puszkina w Sankt-Petersburgu; e-mail: remez@AG2692.spb.edu

¹ М. П. Арцыбашев (1878-1927), прозаик, публицист, драматург. По матери – поляк. Писатель, известный в России репутацией проповедника аморализма, автор многих произведений, эмигрировал в 1923 г. в Варшаву. Здесь постоянно печатался в газете «За свободу» (также помогал Д. В. Философову её редактировать), где излагал противобольшевицкие взгляды.

одной из химер человеческого сознания. Парадокс заключался в том, что гибель героя имела высший смысл, но не метафизический, а именно физический. Из одной распавшейся формы живого рождались другие, новые формы. И это обуславливало внутренний оптимизм финальных строк повести, следующих за натуралистическим описанием разложившегося трупа Ланде: «На этом месте, из года в год, особенно густо и радостно рос папоротник»².

Отдав *Смерть Ланде* в «Журнал для всех», Арцыбашев писал его редактору В. С. Миролюбову 6 июня 1904 г., что он продолжает работу над «большой вещью» (имелся в виду новый роман *Санин*), суммирующей его размышления о смысле бытия:

Мои большие вещи пишутся медленно, ибо вопрос о цене жизни, который, помните, надо было уяснить, ворочается туго. Но все-таки я вижу уже свое решение. Оно отнюдь не христианское, а глубоко индивидуалистично, в нем жертва, и ближний, и родина, и прочее, увы, играют последнюю роль. Пока я установил следующие маяки, по которым намечаю путь в бурный океан моей философии: жизнь есть борьба существования со смертью и только; высшее благо жизни в достижении личной свободы; истинная свобода есть свободное развитие творческих сил³.

В 1905 г. работа над начатым еще в 1901 г. романом *Санин* была прервана. События Первой русской революции увлекли Арцыбашева, повлияли на тематику и настрой его творчества. Но в 1907 г. появляется роман *Санин*, сразу же «прогремевший» и в России, и за границей. Это произведение начал писать двадцатитрехлетний юноша, а двадцатидевятилетнего молодого человека оно вознесло на вершины читательской популярности.

Роман *Санин* вовсе не был, как позднее утверждали критики, неожиданным явлением в творчестве Арцыбашева. Спустя несколько лет он иронически писал критику В. Л. Львову-Рогачевскому:

Я не эволюционировал ни от Ланде к Санину, ни от Санина к Ланде. И тот, и другой тип для меня – сюжеты объективного, так сказать, характера. У меня есть своя определенная идея, всегда, с самого начала и до конца, прочно сидевшая в мозгу. Ее никто не потрудился уловить. В двух словах я назвал бы это отрицанием культа вообще⁴.

Чтобы раскрыть секрет неожиданного ошеломляющего успеха романа, надо прежде всего постараться ощутить психологическую атмосферу времени его публикации. Революция закончилась поражением, наступил пе-

² М. Арцыбашев, *Рассказы*, т. 2. Санкт-Петербург 1906, с. 190.

³ РО ИРЛИ, Ф. 185, Оп. 1, Ед. хр. 245, л. 3 об.

⁴ РГБ, Ф. 154. 2. 7, л. 2.

риод неверия в результативность каких-либо социальных действий. Лопнули иллюзии современников о своем времени как периоде торжества гуманистических ценностей. И в этот момент появилось произведение, проникнутое оптимизмом и жизнеутверждением. На фоне общего пессимистического настроения, оно, одновременно, казалось идущим «против течения», и отвечающим каким-то затаенным чаяниям.

Действие романа *Санин* разворачивалось в провинциальном городке среди привычных средне интеллигентскому читателю лиц: ссыльных студентов, ловеласов-офицеров, добродетельных земских врачей и мечтающих о небывалой любви барышень. По типу сюжета произведение укладывалось в привычную схему так называемого «тургеневского романа», в котором любовная история была средством для выявления какой-либо «прогрессивной» идеи, и ее «передовому носителю» доставалась как приз любовь героини. Критики сразу определили «генеалогию» нового романа, постоянно сравнивая его с хрестоматийно известными *Отцами и детьми* Тургенева. Но если бы все ограничивалось только следованием тургеневским традициям, то *Санин* встроился бы в хвост длинного ряда «общественных» романов, перепевавших произведения великих романистов XIX в., и вскоре канул в небытие. Но так не случилось и причиной тому был главный герой романа – молодой человек без определенных занятий, Владимир Санин.

Он был единственным из персонажей произведения, кто не был заражен всеобщей «бациллой пессимизма». Почему? Потому что всегда следовал только велениям своей природы. В образе Санина Арцыбашев создал свой вариант «естественного человека» начала XX в., не зависящего от социума, не скованного никакими догмами. Герой утверждал:

Человек не может быть выше жизни [...] он сам – только частица жизни [...] Неудовлетворенным он может быть, но причины этой неудовлетворенности в нем самом. Он просто или не может, или не смеет брать от богатства жизни столько, сколько это действительно нужно ему. Одни люди сидят в тюрьме всю жизнь, другие сами боятся вылететь из клетки, как птица, долго в ней просидевшая [...] Человек – это гармоническое сочетание тела и духа, пока оно не нарушено. Естественно нарушает его только приближение смерти, но мы и сами разрушаем его уродливым мирозерцанием [...] Мы заклеили желания тела животностью, стали стыдиться их, облекли в унижительную форму и создали однобокое существование [...] Человечество жило не даром: оно вырабатывает новые условия жизни, в которых не будет места ни зверству, ни аскетизму...⁵

Постоянным образом-спутником главного героя был цветущий Сад, в единстве и слианности с которым находился Санин. В то же время его оппонен-

⁵ М. П. Арцыбашев, *Санин*, Москва 1990, с. 275-276.

ты (защитник «ветхих» моральных и социальных доктрин студент Сварожич; апологет и жертва догм «офицерской чести» Зарудин и др.) почти всегда оказывались антагонистами Природы. Для понимания авторской концепции важен эпитаф к роману из библейской книги «Экклезиаст», ставшей для Арцыбашева высшим выражением философии бытия: «Только это нашел я, что Бог создал человека правым, а люди пустились во многие помыслы». Его смысл наглядно раскрывался в сюжете романа: «помыслы» – то есть человеческий Разум вел героев к следованию ложным истинам и самоуничтожению (судьбы Сварожича, Зарудина, Соловейчика кончались самоубийством), оказывался «прав» и жив только тот, кто строил свое существование, следуя законам Природы – Санин.

Критики неоднократно сопоставляли идеи Санина с «философией жизни» Ф. Ницше. Действительно, индивидуализм героя с резким отталкиванием от морали, основанной на заветах христианства, и апологетикой личности, в своих желаниях как бы стоящей «по ту сторону добра и зла», мог вызывать ассоциации с учением Ницше, учением, в котором проблема нигилизма занимала одно из центральных мест. Однако помимо сходства современники отмечали и коренное отличие Санина от «сверхчеловека» немецкого философа. Так, например, критик Н. Россов [Н. П. Пашутин] писал:

Санин в «сверхчеловеки» не лезет и ни о каких «сверхчеловеках» не думает. Он требует, чтобы любили себя такими, каковы мы есть, и наслаждались жизнью так, как это возможно сегодня, сейчас, и во имя этого он ломает мешающие ему перегородки принципов, оставшиеся в наследство от полосы интеллигентского подвижничества. Он в жизни любит силу, и только силу, как и Ницше. Но Ницше с этой «силой» идет к «власти». Здесь для него главное. [...] Санин – равнодушен к власти, а по отношению к «господам» заражен всеми грехами крайней демократии⁶.

Нигилизм арцыбашевского героя был глубже связан с развитием русской общественной мысли. На это указывал и сам автор, нарочито заставив Санина заснуть при чтении книги Ницше *Так говорил Заратустра*, хотя в романе имеется несколько скрытых цитат из нее. Более существенным было соотнесение нигилизма Санина с «революционным нигилизмом» русской разночинной интеллигенции XIX в., наиболее полно воплощенным в образе тургеневского Базарова. Парадоксальность художественного мышления Арцыбашева заключалась в том, что он использовал тургеневский литературный сверттип – образ позитивиста Базарова – для создания адогматического героя – Санина.

⁶ Н. Россов [Н. П. Пашутин], *О старых богах и новых настроениях. (Из последних страниц истории русской интеллигенции)*, «Познание России», 1909, № 1, с. 147.

Санин как бы заявлял всем своим бытием: что бы ни происходило вокруг, жизнь человеческая отнюдь не безысходна, так как всё, идущее от часто лгущего Разума, является лишь одной и при том отнюдь не главной стороной человеческой природы. Основное в ней – стремление к наслаждению. Его высшим проявлением является любовь, во всем многоцветьи своих обличий.

Санин сразу же стал романом-бестселлером. Он пользовался громадным успехом у читателей, главным образом, молодежи. Заговорили о создании обществ «санинцев» и «санинисток», о возникновении в учащейся и студенческой среде «лиг любви», чье появление якобы было инспирировано модным романом.

Санин повлек за собой появление множества посвященных ему критических статей, брошюр и книг. Основные споры вызывали не эстетические достоинства произведения, а этическая программа, пропагандируемая Арцыбашевым и его любимым героем. Хранители «устоев» и «заветов» негодовали. Для негативной оценки романа характерно название критической статьи А. Г. Горнфельда – «Эротическая беллетристика». В Германии, где сразу же вышел перевод романа, власти запретили произведение как вредное для чтения. В Постановлении о конфискации тиража с немецкой пунктуальностью утверждалось:

Роману *Санин* свойственно грубо оскорблять нравственность и чувство стыдливости в половом отношении у читателя с нормальными инстинктами; он содержит в себе ярко выраженные эротические тенденции, причем научное обоснование обсуждаемых вопросов не поставлено на такую высоту, чтобы оттенить на второй план описание половых явлений. Герой романа защищает точку зрения, что только половое наслаждение имеет еще ценность, он хочет свободной любви. Серьезных доводов за и против этой точки зрения герой романа не приводит⁷.

Позицию противников *Санина* наиболее четко сформулировал маститый писатель В. Г. Короленко:

Это уже прямо порнография, и притом нездоровая. Что тут нового, кроме того, что до сих пор авторы не решались еще описывать en toutes lettres, как «она лежала под ним и как вздрагивали ее голые ноги». Следующий «новатор», если захочет пойти еще дальше, опишет уже весь физиологический акт от начала до конца. Но ведь это будет глава из гинекологии в лицах, а не психология и не искусство⁸.

Но у романа были и защитники, утверждавшие преемственность *Санина* с линией романов о «новых людях», и прежде всего, с романом Тургенева

⁷ Судьба «Санина» в Германии, Санкт-Петербург 1909, с. 12.

⁸ В. Г. Короленко, *Письма. 1888-1921*, Петербург 1922, с. 293.

Отцы и дети. Нигилист Базаров, говорили сторонники произведения Арцыбашева, в свое время не меньше эпатировал общество, чем новый «естественный человек» Владимир Санин. Авторитетный критик Е. Колтоновская писала:

Моралисты порицают [...] роман как раз за то, чего в нем нет – за порнографию. [...] Санин – такой же герой своего времени, каким был Печорин, Базаров [...] Основной параграф новой программы – право человека на жизнь и наслаждение, требование, чтобы человек всегда был самим собой, не ограничивая своих желаний ничем⁹.

Поэт Александр Блок, одновременно, и приветствовал нового героя, и вопрошал:

В *Санине*, первом «герое» Арцыбашева, ощутился настоящий человек, с непреклонной волей, сдержанно улыбающийся, к чему-то готовый, молодой, крепкий, свободный. И думаешь – «то ли еще будет?» А может быть, пропадет и такой человек, потеряется в поле, куда он соскочил с мчащегося поезда, и ничего не будет?¹⁰

Роман *Санин* имел открытый финал. Сам автор как бы провоцировал читателя, ставил загадку, что случится с героем в дальнейшем? Сразу же после публикации произведения Арцыбашева и читатели, и критики принялись строить предположения о судьбе героя. *Кто же, наконец, Санин?*¹¹ – называлась брошюра критика, скрывшегося под псевдонимом «Кол-Оман». Появился опус Е. Хижнякова «*Санин*», роман *Арцыбашева в критико-юмористическом очерке* (Харьков, 1908), где герои (Санин, Лида, Карсавина) встречались с автором и обсуждали проблемы романа и свои дальнейшие судьбы. Некто, скрывшийся под псевдонимом «О. Ш.», опубликовал якобы подлинный *Дневник поклонницы Санина*, которая следовала теории «свободной любви» и умерла от венерической болезни¹². Читатели так жаждали дальнейших известий о популярном герое, что сами брались за перо. Так на одном обсуждении романа, по свидетельству Я. Данилина,

было прочитано «продолжение Санина». Его дальнейшие похождения, согласно этому изложению, оказались не совсем удачными. В городе, куда он прибыл после прыжка с поезда, его жестоко избил чиновник, дочь которого он начал было выводить на новую дорогу. В спорах с молодежью он запутался и был в конце концов ошикан. Санин счел за лучшее удалиться из этого города и по дороге опять спрыгнул с поезда. Но на этот раз

⁹ Е. Колтоновская, *Проблема пола и ее освещение у неореалистов*, «Образование», 1908, № 1, отд. II, с. 107.

¹⁰ А. Блок, *Литературные итоги 1907г.*, «Золотое Руно», 1907, № 11-12, с. 97.

¹¹ Кол-Оман, *Кто же, наконец, Санин?*, Одесса 1908, с. 16.

¹² О.Ш., «*Санин*», г. *Арцыбашев и женщина*, Петербург 1908, с. 32.

разбил себе голову, после чего у него обнаружались несомненные признаки умственного расстройства¹³.

В 1914 г. появился роман бойкого журналиста Ип. Рапгофа *Возвращение Санина*, в котором повествовалось о дальнейших любовных приключениях брата и сестры Саниных. Читатели жаждали продолжения *Санина* и требовали этого от автора. Когда в 1910 г. появился следующий роман Арцыбашева – *У последней черты*, то в одной из первых рецензий под характерным названием *Санин вернулся* утверждалось: «читаете роман и, страница за страницей, начинаете совершенно определенно уяснять себе, что Санин солнца не встретил, и что он как бы вернулся обратно»¹⁴. Автор *Санина*, сначала радовавшийся успеху своего произведения, в конце концов осознал, что стал одной из жертв своего героя. В неопубликованном «вопле души» – статье *Вместо послесловия к «Санину»* Арцыбашев писал:

Как ни старалась критика похоронить *Санина*, как ни способствовала этому цензура, приговорившая книгу к изъятию и уничтожению, как ни далеко сам я отошел от того, что было написано мною в этой книге, все-таки она еще живет и все еще я на каждом шагу – в газетах, журналах, личных беседах людей и их письмах ко мне встречаюсь с героем моего романа. [...] Русское общество за *Саниным* перестало видеть все другое, что я писал и пишу. [...] Роман *У последней черты* трактуют как продолжение *Санина*, второстепенного героя этого романа художника Михайлова считают смыслом всего романа именно потому, что в нем есть только фактически сходные черты [...] Санин задавил всё остальное и теперь, что бы я ни писал, критика и читатель ищут прежде всего Санина и если находят хоть что-нибудь похожее, начинают ругать Санина, а если не найдут, отходят равнодушно, точно им во мне ничего, кроме Санина, и не было нужно.¹⁵

У последней черты (первоначальное название *Клуб самоубийц*) был романом-экспериментом и остался не понятым современниками. Его основой был спор между «учителем жизни» студентом Чижом и «учителем смерти» инженером Наумовым. В романе надо всем довлела философская концепция Э. Фон Гартмана, перед которой оказывались ничтожными все жизненные программы, в том числе и концепция «живой жизни» и теория «сверхчеловека» Ницше. Ловелас и гедонист художник Михайлов был слабой тенью всепобеждающего Санина, хотя одна из наиболее ярких «амурных побед» этого героя была прямо ориентирована на материализацию цитаты из Ницше: «Когда идешь к женщине, не забудь захватить плетку». В итоге же

¹³ Я. Данилин, *«Санин» в свете русской критики*, Москва 1908, с. 76.

¹⁴ В. Бочановский, *Санин вернулся. (Литературные наброски)*, «Утро России», 1910, № 269, 9 окт., с. 2.

¹⁵ ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 205.

Михайлов, как и все остальные герои романа, оказывался бессилён перед единственной реальностью – «черной дырой», небытием.

В сознании современников и потомков Михаил Арцыбашев – незаурядный русский писатель, создавший многие произведения, значимые в культуре русского Серебряного века, остался навеки как автор скандального романа *Санин*. А вызванные этим романом герои провинциальных училищ и гимназий – юные «санинцы» и «санинистки» были одними из реальных проявлений того фантома русских «ницшеанцев» и «ницшеанок», о пришествии которых столь много вещала русская пресса начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арцыбашев М. П.: Санин, Москва 1990.
 Арцыбашев М.: Рассказы, т. 2, Санкт-Петербург 1906.
 Блок А., Литературные итоги 1907г., «Золотое Руно», 1907, № 11-12, с. 97.
 Бочановский В.: Санин вернулся. (Литературные наброски), «Утро России», 1910, № 269, 9 окт., с. 2.
 Данилин Я.: «Санин» в свете русской критики, Москва 1908.
 Кол-Оман, Кто же, наконец, Санин?, Одесса 1908.
 Колтоновская Е.: Проблема пола и ее освещение у неореалистов, «Образование» 1908, № 1, отд. II, с. 107.
 Короленко В. Г., Письма. 1888-1921, Петербург 1922.
 О.Ш., «Санин», г. Арцыбашев и женщина, Петербург 1908.
 Россов Н. [Н. П. Пашутин], О старых богах и новых настроениях. (Из последних страниц истории русской интеллигенции), «Познание России», 1909, 1, с. 147.
 Судьба «Санина» в Германии, Санкт-Петербург 1909.

TAKO RZECZE WŁADIMIR SANIN ROSYJSKI NIETZSCHEANIZM W ŚWIETLE POWIEŚCI M. P. ARCYBASZEWA

Streszczenie

W artykule przedstawiona została, na materiale twórczości Michaiła Arcybaszewa, kwestia idei nietzscheańskich w Rosji początku XX wieku. Sygnalizując zbieżność, ale nie tożsamość, idei powieści Arcybaszewa *Śmierć Landego* (1904) i *Sanin* (1907) z koncepcją niemieckiego filozofa, autorka akcentuje specyfikę poglądów pisarza rosyjskiego: jego indywidualistyczną „filozofię życia”, związaną z naturą, pierwiastek optymistyczny, na przekór powszechnej hegemonii pesymizmu, hasła człowieka harmonijnego, zmierzającego do radości życia i swobodnej miłości. Nietzscheanizm był więc znany w Rosji tego czasu, jednak w świadomości artystycznej łączy się z czysto

rosyjskimi doświadczeniami: teoriami Tolstoja, Dostojewskiego, Turgieniewa i nihilistycznej inteligencji raznoczyńskiej. Analizując sekret niezwykle rozgłosu powieści *Sanin*, badaczka dostrzega go nie w warstwie śmiałych opisów, lecz w obrazie stworzonego przez Arcybaszewa „człowieka naturalnego” XX wieku, bohatera adogmatycznego. W artykule podejmuje się ponadto problem popularności tego bohatera i jego filozofii życiowej w masowym odbiorze czytelnicznym początku wieku, czego przykładem mogą być liczne kontynuacje utworu, amatorskie przedłużenia (nieraz ironizujące) jego losów.

Słowa kluczowe: nietzscheanizm, „człowiek naturalny”, filozofia życia, kwitnący Sad, indywidualizm bohatera, nihilizm.

Ключевые слова: ницшеанство, «естественный человек», философия жизни, цветущий Сад, индивидуализм героя, нигилизм.

Key words: Nietzscheanism, “natural person”, the philosophy of life, the efflorescent Garden, individualism of hero, nihilism.